

РЕЦЕНЗИЯ

...Как Вертинский в Одессу возвращался

— Я ничего не понял! — с недоумением и неловкостью за себя, непонятливого, сказал мне мой хороший знакомый, выходя из театрального зала после очередной премьеры. А что тут понимать? Около часа перед ним общались в странной, напоминающей больничную, обстановке два

персонажа. Он называл себя Вертинским, вспоминал нерадостное начало актерской карьеры, светло грустил о женщине, чья жизнь посвящена искусству и семье, а для него предназначается лишь часть ее душевного тепла. Она никак себя не называла, но белый халат и марлевая повязка выдавали в ней медсестру, а когда на ней оказывалось яркое платье, выглядела буквально "звездой", почти королевой экрана... Попутно дуэт исполнителей пел "В бананово-лимонном Сингапуре", причем она сидела за пианино и при этом аккомпанировала пению очень прилично. На экране мелькали кадры кинохроники похорон Веры Холодной. Иногда она комментировала его речь в таком духе: "Федор Михайлович Достоевский — великий русский писатель, родился, учился, стал основоположником..." При этом старательно выговаривала слова. Словно иностранка, пытающаяся что-то узнать о культуре иного народа. Душа преисполнялась светлой грусти, хотелось понять, что чувствовали кумиры давно ушедшей эпохи, ведь мы, сегодняшние, отстоим дальше от нее, чем иные просвещенные иностранцы...

Даже удивительно, как низко оценила одесская театральная критика последнюю премьеру нашего Русского драматического театра — одноактный спектакль "Сумерки богов (Александр Вертинский и Вера Холодная)", поставленный молодым московским режиссером Евгением Лавренчуком по пьесе одесского писателя и историка Родиона Феденева. Мне это кажется несправедливым — для начала хотя бы потому, что одноактный спектакль уже хорош по определению. Как поговаривает моя коллега, киевский театральный критик Анна Липковская в

подобных случаях: "Вистава хороша — коротка..." Мы уже слишком приучены нашими театрами к безразмерным сценическим действиям продолжительностью около четырех часов. А "Сумерки богов" заставляют с падением занавеса ощущать сожаление из-за того, что все закончилось. И больше нет причины задерживаться в пространстве кумиров начала прошлого века, в мире образов трогательно-хрупких, во времени, когда, по блестящему определению Евгения Лавренчука, "заикались, объясняясь в любви".

Позволю себе процитировать саркастические пассажи коллег: "очень уж безнадежно то, что довелось увидеть", "нашему "новому гению" не мешало бы, наверное, подрасти", "осталось впечатление, что имя Веры Холодной в подзаголовке — это просто рекламный трюк". Рецензентам спектакля не нравились возраст постановщика (двадцать четыре года), ощутимые цитаты из спектаклей его учителя по РАТИ (бывшему ГИТИСу) Романа Виктюка, шумная реклама "Сумерек" и даже тот факт, что карьера Евгения слишком стремительно развивается. Действительно, на счету столь молодого режиссера пятнадцать постановок в театрах Москвы, Львова и Томска, к тому же он уже успел стать основателем и художественным руководителем Польского театра в Москве.

Авторов критических статей решительно не устраивала ария Канио из оперы Леонкавалло "Паяцы", обрамляющая спектакль, в то время как Вертинский на заре своей карьеры выступал в образе Пьеро... Но ведь постановщик и не стремился строго следовать конкретным маскам итальянской комедии дель арте, перед временем и судьбой мы все — не более чем паяцы, куклы, игрушки; честь и хвала тем, кто становится чем-то большим... Вот и Александр Вертинский сумел из грустного Пьеро стать легендарным русским актером и поэтом, отбросить на всю советскую сценическую и экранную культуру отблеск присущего ему аристократизма. "Смейся, Паяц, над любовью разбитой!" — эту реплику примеряет к себе не единожды в течение жизни каждый, носящий в обычном состоянии маску Пьеро или Арлекина... Да и для аудитории, по большому счету, сегодня неважны тонкости итальянского площадного искусства, та маска выбрана для персонажа или иная. Абсолютно безразлично, был у Вертинского роман со "звездой" немого кино Верой Холодной или не был. Неважно, по каким причинам звучит в спектакле мелодия, сочиненная гениальным Чарли Чаплином. Зато все вместе, зарифмованное и прожитое на сцене, завораживает, увлекает, заставляет сердце встрепенуться, душу — стать чище. А есть ли более высокая мотивация для существования театрального продукта? Нет, конечно! Откуда у нас стремление дотошно проследивать взаимосвязь буквально всего со всем, заниматься в театральном зале откровенным начетничеством? Неужели мы уже напрочь утратили способность

полностью отдаться спектаклю и принять предлагаемые обстоятельства? Почему нас непременно должен раздражать легкий, тонкий, интеллигентный постмодернистский бред, каковым являются "Сумерки богов"? Евгений Лавренчук не скрывает, что, вполне возможно, действие происходит в сумасшедшем доме. И перед нами, не исключено, некий юноша, вообразивший себя Вертинским, и подыгрывающая

ему медсестра, тоже слегка тронувшаяся от бездуховности окружающего быта и однообразного бреда других пациентов. Сумеречное существование иногда хорошо тем, что становится предпосылкой для возникновения прекрасных видений, вот для чего все бесконечные переодевания. В конце концов, раз на сцене минимум декораций, должны часто меняться костюмы, это аксиома внятного художественного решения почти любого спектакля. Пусть главный герой на самом деле далеко не Вертинский, зато воображение у него живое, натура тонкая, чувствующая, и, будучи ограниченным в пространстве (неважно, гостиничный номер перед нами или палата номер шесть), он свободен душой. Тут о другом говорить надо: о бесспорной талантливости Сергея Полякова (Он) и Ольги Деревянко (Она), актеров пластичных, чутких, музыкальных. Мы уже

отвыкли от молодых актрис, умеющих и петь, и на пианино играть, и преобразиться в костюмах чуть ли не от кутюр. А иронические энциклопедические справки по любому поводу в устах героини, произнесенные с нарочитым английским акцентом, — в них тоже нет плохого. Даже странно, что они раздражают столь просвещенных рецензентов, которым во время спектакля так навязчиво хочется "пройти в библиотеку". Сама библиотека пришла к ним, желающим непременно все систематизировать, увязать одно с другим! Кстати, легко увязать отсутствие женского образа, прямо обозначающего присутствие на сцене самой Веры Холодной, с тем фактом, что для героя очевидно — его богиня мертва. Кумир ушел, все произошло, остались лишь грусть, боль и смутная мечта, которой уже не стать реальностью. Каковы бы ни были взаимоотношения двух кумиров эпохи, они наверняка отличались

изысканностью, и любая лобовая трактовка тут неуместна. Сумерки, господа! Лично мне на плохих спектаклях в библиотеку не хочется, а хочется спать и есть. На "Сумерках богов" я не сомкнула глаз ни разу и о еде не вспомнила, впервые за текущий сезон! Это чего-нибудь да стоит. Более того, мне хочется ходить на "Сумерки" снова и снова спустя какое-то время, следить за тем, как этот спектакль будет развиваться, как в зависимости от пришедшей аудитории сместятся

акценты, насколько зал будет оценивать те или иные моменты действия и много ли каждый раз будет оказываться тех, кто "ничего не понял" или все же "что-то ощутил"...

Так гений ли наш Евгений? Время покажет. Покамест он просто хорошо воспринявший эстетику театра Романа Виктюка молодой режиссер. Опять-таки не так уж мало. Будем надеяться, с годами Евгений Лавренчук несколько отойдет от подражательства своему учителю, такого очевидного в манипуляциях с кринолинами (привет от "Служанок"), гипсовыми бюстами (смотри "Мастера и Маргариту") и так далее, и тому подобное. Главное, что вкус у парня наличествует, и образцы себе выбирает достойные. Может быть, Евгений потому в наших глазах немного сумасшедшим выглядит, что не боится быть поэтичным и романтичным в двадцать первом веке. Мы, сидящие в зале, уже не таковы, и спектакль обнаруживает эти наши проблемы. Сам постановщик о своей работе высказался так: "Сегодня, в век цифровых технологий, человеческая душа утрачивает свою поэтичность. Уходят пафос и романтика великой европейской культуры. Поэзия загнана в гетто библиотек. Сегодня поэзию читают только сумасшедшие. Ведь только в своем сумасшествии мы встречаемся со своей мечтой..."

Мария ГУДЫМА.
Фото Олега Владимирского.